

*Илья Ильф
Евгений Петров*

Лёд тронулся!

Самые остроумные
афоризмы
и цитаты

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И48

Дизайн обложки *Диана Бобешко*

Ильф, Илья.

И48 Лёд тронулся! Самые остроумные афоризмы и цитаты / Илья Ильф, Евгений Петров. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 224 с. – (Притчи и афоризмы).

ISBN 978-5-17-098876-1.

Эта книга — квинтэссенция остроумия, цинизма, тонкой самоиронии и мудрости с налетом насмешки. Здесь собраны афоризмы из произведений Ильфа и Петрова. Читайте, смейтесь, наслаждайтесь и... «крепитеcь. Запад нам поможет».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-098876-1.

© Ильф И., Петров Е.,
наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

12 стульев

– Почем опиум для народа?

– Что вы на меня смотрите такими злыми глазами,
как солдат на вошь?

Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арна-
утской улице.

– Ближе к телу, как говорил Мопассан. Сведения
будут оплачены.

В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что, казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть.

Ишполит Матвеевич поглядел на тещу сверху вниз. Его рост доходил до 185 сантиметров. С такой высоты ему легко и удобно было относиться к теще Клавдии Ивановне с некоторым пренебрежением.

Переписчик Сапежников начал, досконально уже всем известный, цикл охотничьих рассказов. Весь смысл этих рассказов сводился к тому, что на охоте приятно и даже необходимо пить водку. Ничего больше от него нельзя было добиться.

Все, что имело родиться в этот день, – родилось и было записано в толстые книги. Все, кто хотел обвенчаться, – были повенчаны и тоже записаны в толстые книги. И не было лишь, к явному разорению гробовщиков, ни одного смертного случая.

«Пьер и Константин», давно уже порывавшийся сделать сообщение на медицинскую тему, заговорил, опасно оглянувшись по сторонам.

– Теперь вся сила в гемоглобине.

Сказав это, «Пьер и Константин» умолк.

Замолчали и горожане, каждый по-своему размышляя о таинственных силах гемоглобина.

Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спинке можно было ясно разобрать крупно написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года, в ночь, наступившую непосредственно после его открытия, и как представители полиции, а впоследствии милиции ни старались, хулительная надпись аккурратно появлялась каждый день.

— Как? Засадить в стул бриллиантов на семьдесят тысяч!? В стул, на котором неизвестно кто сидит!?

В голове Ипполита Матвеевича творилось черт знает что. Звучали цыганские хоры, грудастые дамские оркестры беспрерывно исполняли танго амапа; представлялась ему московская зима и черный длинный рысак, презрительно хрюкающий на пешеходов; многое представлялось Ипполиту Матвеевичу: и оранжевые, упоительно дорогие кальсоны, и лакейская преданность, и возможная поездка в Тулузу...

– Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук, – преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит, «преставилась»... А, например, которая покрупнее, да похудее – та, считается, «богу душу отдает»...

– То есть как это считается? У кого это считается?

– У нас и считается. У мастеров... Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели не дай бог помрете, что «в ящик сыграли». А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, «приказал долго жить». А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят – «перекинулся» или «ноги протянул». Но самые могучие когда умирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что «дуба дают». Так про них и говорят: «А наш то, слышали, дуба дал»...

Потрясенный этой, несколько странной классификацией человеческих смертей, Ипполит Матвеевич спросил:

– Ну, а когда ты помрешь, как про тебя мастера скажут?

– Я человек маленький. Скажут «гигнулся Безенчук». А больше ничего не скажут.

И строго добавил:

– Мне «дуба дать» или «сыграть в ящик» – невозможно. У меня комплекция мелкая...

Интересная штука – полоса отчуждения. Самый обыкновенный гражданин, попав в нее, чувствует в себе некоторую хлопотливость и быстро превращается либо в пассажира, либо в грузополучателя, либо просто в безбилетного забулдыгу, омрачающего жизнь и служебную деятельность кондукторских бригад и перронных контролеров.

С той минуты, когда гражданин вступает в полосу отчуждения, которую он по-дилетантски называет вокзалом или станцией, жизнь его резко меняется. Сейчас же к нему подсакивают Ермаки Тимофеевичи в белых передниках с никелированными бляхами на сердце и услужливо подхватывают багаж. С этой минуты гражданин уже не принадлежит самому себе. Он – пассажир и начинает исполнять все обязанности пассажира. Обязанности эти многосложны, но приятны.

Посадка в бесплацкартный поезд носила обычный кровопролитный характер.

У каждого на сердце лежит заветный анекдот, который, трепыхаясь, дожидается своей очереди. Новый исполнитель, толкая локтями соседей и умоляюще крича: «А вот мне рассказывали», – с трудом завладевает вниманием и начинает:

«Один еврей приходит домой и ложится спать рядом со своей женой. Вдруг он слышит, под кроватью кто то скребется. Еврей опустил под кровать руку и спрашивает:

– Это ты, Джек?

А Джек лизнул руку и отвечает:

– Это я!»

Провизор Леопольд Григорьевич, которого домашние и друзья называли – Липа, стоял за красным лакированным прилавком, окруженный молочного цвета банками с ядом, и, со свойственной ему нервностью, продавал свояченице брандмейстера «крем Анго против загара и веснушек, придает исключительную белизну коже». Свояченица брандмейстера, однако, требовала «пудру Рашель золотистого цвета, придает телу ровный, недостижимый в природе загар». Но в аптеке был только «крем Анго против загара», и борьба столь противоположных продуктов парфюмерии длилась полчаса. Победил все-таки Липа, продавший свояченице брандмейстера губную помаду и «Клоповар» – прибор, построенный по принципу самовара, но имеющий внешний вид лейки.